

ТРУСЛИВЫЙ ОЛЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Таймыр — самый северный полуостров, а иганасаны — самые северные люди нашей страны. Всех иганасан можно поселить в один дом — их тысяча человек. Однако иганасанская земля большая, и люди живут там далеко друг от друга. Надо проехать длинную дорогу по тундре в лютый мороз или долго плыть на лодке, спасаясь от туч комаров летом, чтобы повидаться с друзьями.

Первые слова, которые говорят при встрече: «Смылы дюрумы?» — «Какие вести?» И рассказывают новости о знакомых, об охоте. «Дюрумы» означает не только «вести». Когда ребята говорят «смылы дюрумы», то гость знает, что они хотят услышать старинные сказки о диких оленях, о песцах, о смелых людях и о дружбе. Сами себя иганасаны называют «ня». «Ня» — значит «товарищ».

Этнограф Ю. Б. Симченко

ТРУСЛИВЫЙ ОЛЕНЬ

Иганасанские народные сказки
в пересказе А. Старостина

Рисунки В. Лосина

МОСКВА
«Детская литература»
1982

4803010100-239 023-82
M101(03)82

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982

СКАЗКА ПРО СИГЕ-ЛЮДОЕДКУ

ело было, значит, так. Жила-была Сиге-людоедка. Она жила в своём чуме посреди тундры и ела людей, как это вообще принято у людоедов. С утра до ночи она прыгала по тундре и искала, кого бы съесть. А ела она, окаинная, всех, кто попадётся. Откроет пасть — ам! — был человек — нет человека.

А прыгала она оттого, что людоед — это не человек, а половинка человека. И поэтому она прыгала на одной ноге, хватала одной рукой, глядела одним глазом, дышала и даже сонела одной позд-рём. Говорят, что она видела не целое солнце, а только половинку. Но так ли, нет ли — не скажу.

Но вот собрались пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, и стали думать, как бы им проучить людоедку. Звали их так: первого — Камень, на котором дробят кости (около каждого чума лежит такой плоский камень, на нём удобно раскалывать большие и самые вкусные кости), второго — Половинка Иголки, третьего — Рыбий Пузырь, четвёртого — Жирное Пятно и пятого — Скрип, который мешает спать.

Весь день думали друзья. Потом наступила ночь. И потом на небо вышли сестричка луна и звёзды. Наконец Камень, на котором дробят кости, сказал:

— Надо, однако, хорошенько проучить жадную-кроважидную Сиге. Иначе она всех съест. Никого не останется.

— Однако, надо! — согласились друзья-товарищи.

— Тогда вперёд! — сказал Камень, на котором дробят кости. Он был известен среди друзей-храбрецов своей особой твёрдостью.

— Подожди... Как же это мы её проучим? — проскрипел Скрип, который мешает спать.

— А так! — сказал Камень. — Я всё продумал. Ты, значит, Скрип, залезешь под постель людоедки — скрипи. А когда она проснётся, то станет тебя искать повсюду в темноте. По всему чуму будет шарить рукой и скажет: «Огонь зажгу, тебя найду». Она обязательно так скажет, потому что ты ведь не дашь ей спать. Поползёт Сиге в темноте к очагу раздувать огонь, а ты, Рыбий Пузырь, сиди в очаге под золой, жди. Огонь вспыхнет, ты лопни и засори людоедке глаз. Она начнёт искать воду. Ты же, Половинка Иголки, сиди в ведре. Она будет промывать глаз и пить воду, и тут ты не зевай. Только наклонит она ведро, ты скатись вниз и залезь ей в горло. Она начнёт кашлять, прыгать по чуму, наткаться на всякие вещи и захочет выйти наружу, чтобы ни на что не наткаться. А тут ты, Жирное Пятно, жди её у входа. Она поскользнётся на тебе и будет падать. Падая, схватится за крышку чума. А я буду сидеть наверху, не удержусь и упаду на неё. Шибко ударю её в лоб. Ну как?

И пятеро неразлучных друзей-храбрецов двинулись занимать свои места.

Половинка Иголки подсадил Камень наверх, и Камень сделал вид, что прижимает крышку чума от ветра. Рыбий Пузырь забрался в очаг и закопался в золе. Половинка Иголки спрятался в ведре. А Скрип, который мешает спать, забрался под постель людоедки

и тут же стал скрипеть, как никогда в жизни не скрипел. Ну и старался же он!

Людоедка открыла свой единственный людоедский глаз и запела (людоеды ведь говорить по-человечьи не умеют — они умеют только петь и смеяться):

— Ветер очень шумит! Скрип мешает спать. Однако, поищу его! Ха-ха-ха!

Она подползла к очагу и стала раздувать свою единственную щёку — дуть на угли. Огонь вспыхнул, и в этот момент Рыбий Пузырь лопнул и засорил ей золой глаз.

— Глаз промою, воды, однако, попью. Ха-ха-ха! — пропела людоедка (так поют людоеды в таких случаях).

Поползла она по чуму, половинкой носа нюхает, одной рукой шарит, ведро ищет.

Нашупала ведро, стала пить из него. Половинка Иголки, не будь дурак, скользнул по стенке ведра и, как договорились, юркнул в людоедское горло.

Людоедка уронила ведро, стала кашлять, прыгать по чуму и натывать на всякие вещи.

— Что-то в горло попало! На улицу, однако, пойду! Ха-ха-ха! — запела людоедка.

Отогнула полость чума и наступила на Жирное Пятно, который давно поджидал её.

Жадная-кровожадная, прожорливая и страшная людоедка упала и, падая, схватилась за покрывку чума. Весь чум задрожал. Камень скатился сверху и ударил людоедку в лоб. Шибко ударил! Как договорились.

— Умираю, однако, — пропела Сиге. — Ха-ха-ха!

И — прямо в очаг. И чум опрокинула.

Заполыхал огонь, загудел, зашипел, и повисла в воздухе чёрная копоть. Искры с жужжанием летели в звёздное небо, гасли, но продолжали жужжать. И тут друзья заметили, что копоть живая, с крылышками и длинными острыми носами. Так на земле появились комары, которые летом висят над тундрой, как копоть, и кусают всех, кто ни попадётся.

А пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, стали праздновать свою победу над злой людоедкой Сиге. Они ели, пили, потом песни пели, потом плясали.

И тут Скрип, который мешает спать, проскрипел:

— Я победил Сиге! Я её разбудил! Трудно было, однако, её разбудить: крепко спала.

— Не скрипи! Замолчи! — зашипел Рыбий Пузырь. — Это я ей глаз засыпал! Я!

— Ты, Рыбий Пузырь, совсем, однако, пустой. Это я залез ей в горло, — сказал Половинка Иголки, — значит, я главный!

— Нет, я! — крикнул Жирное Пятно.

— Тогда кто же её ударил по лбу? — спросил Камень. — Вы, что ли?

И стали друзья спорить, ругаться, и дело чуть до драки не дошло.

Я недавно проходил мимо чума, где живут пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, и сам слышал, как они ругались. Наверное, до сих пор ругаются. Но точно — ругаются, нет ли — не скажу.

А летом и сейчас над тундрой, как копоть, висят злые комары.

СКАЗКА О ТРУСЛИВОМ ОЛЕНЕ

Жил олень. Он был трусливым. Он, понимаешь ли, боялся. Ты спросишь: «Чего же это он боялся?» Да всего. Он боялся света и темноты, лягушек и пеструшек, деревьев и кустов. И даже волков. Ну волков-то ему уж совсем не следовало бы бояться. В то время земля была ещё совсем новенькой, всё на ней было новое, и звери были тоже новые, кроме Белой совы (постарайся не забыть про неё), и никто никого не боялся, и волки, весёлые ребята, жили в настоящей дружбе с оленями. Они вместе

гуляли по тундре, вместе щипали травку (волки ещё не знали, что им есть: ведь они были совсем новые), вместе выли, то есть пели песни, глядя на луну, и делились последним. А трусливый олень даже их боялся.

Итак, значит, он удирал. Ты спросишь: «Куда же он удирал и от кого?» Да никуда и ни от кого. Просто бежал куда глаза глядят. От страха.

Он бежал днём: ему было страшно днём. Наступала ночь, а он всё бежал. Ему казалось, что из-за каждого тёмного куста кто-то глядит на него жёлтыми глазами: хлоп-хлоп глазами из-за каждого куста. Но сколько можно убежать неизвестно от кого неизвестно куда? Упал наконец олень, совсем из сил выбился.

Лежал он так под деревом, лежал, дрожал под деревом, дрожал, и вдруг откуда-то сверху голос:

— Эй, чего дрожишь-то?

Поднял олень голову (бежать он уже не мог) и увидел над собой Белую сову. Ту самую желтоглазую круглоглазую круглоголовую сову с чёрным клювом и мохнатыми лапами, из которых, как из рваных перчаток, вылезали чёрные когти. Ту самую сову, которую очень боялись куропатки. И правильно делали. Ту самую, которая самой первой на новенькой земле не захотела щипать травку и петь песни, глядя на луну, а захотела есть куропаток. А почему захотела, не скажу. Этого даже старики не знают.

Долго стучал зубами от страха трусливый олень, наконец проговорил:

— Хорошо тебе. Ты на дереве живёшь. Жил бы я на дереве, тоже был бы смелым.

— Ну, так живи на дереве, — сказала сова.

— Я бы рад, да лазить по деревьям не умею. Нет у меня крыльев, как у тебя, нет когтей, как у тётушки росомахи.

— Не беда. Я тебя подсажу на дерево, — сказала сова и слетела на землю. — Лезь!

Встал олень на дыбы, упёрся копытами в дерево. А дальше-то что? Скользят копыта. Обернулся он на сову и вздохнул.

— Не получается.

— Э-э, так тебе нужно снять копыта, — посоветовала сова.

Опустился олень передними ногами на землю, снял копыта и остался в одних носках.

— Чего стоишь-то? — спросила сова. — Повесь их на куст — пусть подсохнут.

— И то правда. — согласился олень и повесил копыта на куст. Теперь его ноги не скользили по дереву. Сова подталкивала его плечом снизу, а он карабкался наверх. На самую верхушку залез. Там лёг животом на сук, свесил ноги в носках, поболтал ими немножко перед сном и заснул. Очень устал.

И сова тоже устала, толкая оленя, — тяжёлый был олень, — и тоже заснула.

А волки, весёлые ребята, весело шли по тундре и весело распевали весёлые песни.

И вдруг самый старший из них — папа-волк — увидел кости куропаток. Много костей.

— Кости куропаток, — сказал он, останавливаясь. — Зачем им даром пропадать? Лучше их съесть.

И он стал есть кости, показывая пример остальным волкам. И все последовали его примеру, потому что старших вообще надо слушаться. А кости как раз вели к дереву, на котором ночевали... Помнишь, кто? Ну вот.

Трусливому оленю в это время снилось, будто тётушка росомеха подарила ему свои тапки с когтями, а сова — свои запасные крылья.

А волки, весёлые ребята, подошли к дереву, под которым было видимо-невидимо костей, и легли спать. Заснули.

А в то время, когда они уже спали, трусливому оленю снилось, будто он летит по небу и бесстрашно корчит рожи зверям, которые, задрав морды, смотрят на него с земли.

— Никого не боюсь! — крикнул он во сне и заворочался, и ногами задрыгал. — Никого!

И повалился, ломая сучья, вниз. Ему спросонья показалось, что он всё ещё летит, и он бесстрашно крикнул:

— Никого не боюсь!

И снова бесстрашно скорчил рожу. И упал прямо на волка, который мирно похрапывал под деревом. Завыл бедный волк от боли и страха и умер.

А олень ногу обо что-то уколол (ведь он был в одних носках), проснулся и побежал куда глаза глядят, забыв про свои копыта. Очень перепугался.

Волки, весёлые ребята, кое-как пришли в себя, кое-как протёрли глаза, увидели сову, и папа-волк спросил:

— Кто этот зверь, который никого не боится?

— Однако, олень, — ответила сова.

— Чего он хромал?

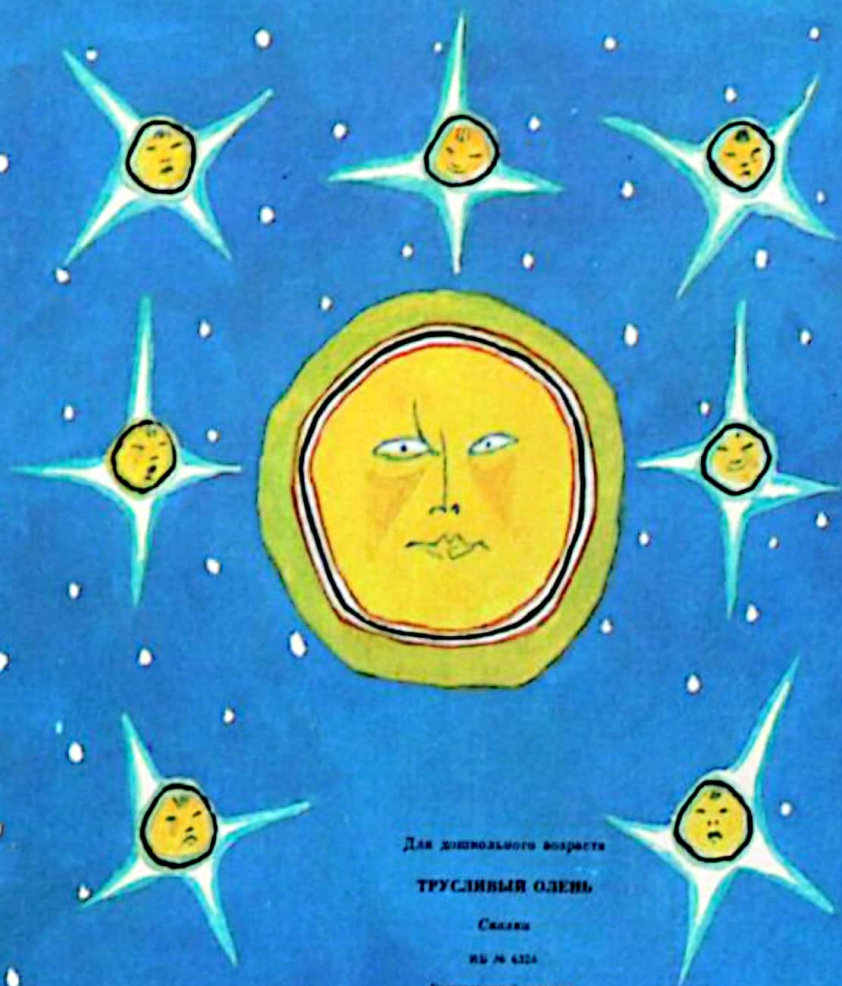
— Может, ногу уколол о кость. Ведь он был в одних носках.

— А-а! В одних носках! — зарычал папа-волк и защёлкал зубами. — Ну так мы найдём его и проучим!

И бросился за оленем.

Вот с тех пор у волков с оленями и дружба врозь. Вот почему волки до сих пор ходят за стадом дикого оленя, как пастухи, и ищут оленя, который хромает. Если б трусливый зверь не был так труслив и не лазил со страху по деревьям, то волки с оленями и до сих пор щипали бы вместе травку и пели песни, глядя на луну.

Для дошкольного возраста

ТРУСЛИВЫЙ ОЛЕНЬ

Сказка

КВ № 4324

Сценаристский редактор

М. Д. Арно

Художественный редактор

Д. Д. Баркова

Технический редактор

К. В. Павлова

Корректор

Г. В. Руденко

Сказка в набор 22.12.81. Подписано в печать 09.02.82. Формат 60х90¹/₂.
Бумага офсетная. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0.
Усл. печ. стр. 10,0. Уд. вес к. 2,17. Тираж 600 000 экз. Заказ № 2054. Цена
20 коп. Сказка Трудового Коллектива Издательства «Детская литература»
госиздатом СССР по делам литературы, издательств,
и полиграфии. Москва, Петер. М. Чернышевский пер. 1. Издатель
Трудового Коллектива Издательства «Детская литература» № 1 Регистратура
калентария Государственного комитета РСФСР по делам литературы,
издательств и полиграфии. Москва, Сущевский вал, 45.